

ФЕНОМЕН ГОРОДА В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ И ФИЛОСОФИИ НАСИЛИЯ

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
Iri_na2000@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются две методологические программы исследования города как социально-культурного феномена в проблемном поле философии культуры и философии насилия. Первая программа фокусирует внимание на коммуникативных взаимоотношениях человека с городом в системе координат «захвата – дара – воспоминания»; вторая на примере постколониальных исследований выявляет значимость множественности пространства и раскрывает специфику феномена города в контексте проблемы отстаивания «права на город». Делается вывод о том, что в представленных методологических программах осмысление города как коммуникативного топоса и пограничья определило значимость проблематики локального в современном социально-гуманитарном знании и позволило говорить о таком направлении, как новая культурная география.

Ключевые слова: *город; пространственный поворот; топос; философия культуры; философия насилия; постколониальные исследования; право на город.*

CITY PHENOMENON IN THE PROBLEM FIELD OF PHILOSOPHY OF CULTURE AND PHILOSOPHY OF VIOLENCE

I. N. Sidorenko

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
Iri_na2000@rambler.ru

Abstract. The author of this article analyzes two methodological programs of the study of the city as a socio-cultural phenomenon in the problem field of philosophy of culture and philosophy of violence. The first program focuses on the communicative relationship between man and the city in the system of coordinates «grab – gift – memory»; the second, on the example of postcolonial studies, reveals the significance of the multiplicity of space and reveals the specificity of the phenomenon of the city in the context of the problem of defending the «right to the city». It is concluded that in the presented methodological programs the comprehension of the city as a communicative topos and borderland has determined the

significance of the problem of the local in modern socio-humanitarian knowledge and allowed us to talk about such a direction as a new cultural geography.

Keywords: *city; Spatial turn; topos; philosophy of culture; philosophy of violence; postcolonial studies; right to the city.*

Актуализация дискурса «места/топоса» в последней трети XX – начале XXI вв. обусловлена «пространственным поворотом» в социально-гуманитарном знании, сутью которого стало обоснование пространства как продукта социального конструирования (М. Фуко, П. Бергер, Т. Лукман, А. Лефевр и др.). Пространство начинает пониматься как социальный продукт, результат экономического и культурного производства, который при этом скрывает условия своего формирования и предстает как естественный. Город как объект исследования – сложный и полифункциональный комплекс, требующий всестороннего изучения в фокусе междисциплинарности, предметная и методологическая целостность которого выстраивается в рамках новой культурной географии. Город – это исторический и социально-цивилизационный, культурный пространственный объект, формирующий специфическое сообщество горожан и организующий их деятельность, продуцирующий новые формы организации общественной жизни, задающий определенные темпы и ритмы жизнедеятельности, определяющий направленность и скорость протекания социальных процессов. Учитывая многогранность города как объекта исследования, раскроем несколько основных методологических направлений его изучения на стыке проблематики философии культуры и философии насилия.

Первое направление акцентирует внимание на коммуникативных взаимоотношениях с городом в системе координат «захвата – дара – воспоминания». Современная философия претерпевают изменения в методологии с усилением позиций пространственно-географической компоненты. Мышление временными координатами подменяется пространственными подходами в рассмотрении социокультурных процессов, что означает отход от исследования феноменов в их исторической развертке. Пространственный поворот в философии отражает топофилию современной культуры в целом, которую правомерно понимать как эмоциональную окрашенность человеческого отношения к месту, экзистенциальную заостренность проблемы поиска своего места. При этом топофилия выступает одновременно как культурный феномен и как исследовательская стратегия [8]. Любовь к родному месту и интерес к «чужим» местам находит отражение и в художественной литературе. Так, популярны исследования такого литературного жанра, как «травелог», т.е. «романа места» – в частности, в парадигме постколониальных исследований. Травелог строится

на репрезентации экзистенциального пространства. «Париж XIX столетия» и «Московский дневник» В. Бенямина, «Праздник, который всегда с тобой» Э. Хемингуэя, «Петербург» А. Белого, «Горад Сонца» А. Клинова – характерные примеры топофилической прозы. В отличие от жанра путешествий, «такая проза склонна всматриваться в пространство как интегральную часть существования человека в культуре и обществе. Для нее, как и человеческая идентичность или «природа», пространство и пространственность оказываются сконструированными; в качестве места «человеческого бытия» топос пространства, в свою очередь, оказывается топосом человеческого существования в культуре» [1].

Так, например, в своих археологических исследованиях В. Бенямин делал основной акцент на коммуникативном взаимоотношении культурно-исторической реальности и создаваемого человеком определенного образа мира, города. Разговор с городом – это не передача сообщения о том, где что находится, а проникновение в смысловое пространство, которое предлагает включиться в игру воспоминаний (Берлин), открыто для диалога (Париж) или сопротивляется ему (Москва), отгораживаясь от человека льдом, обманным обещанием дара [2, с. 72–73]. Негласное сопротивление города (Москва) вызывает в собеседнике-наблюдателе настойчивое желание его властно захватить, сделать частью собственного пространства, что реализуется в страсти коллекционирования. Вместе с тем, несмотря на кажущуюся гостеприимность и комфортабельность Парижа, он также несет в себе опасность захвата, таящуюся во всемирных выставках, как «местах паломничества к товарному фетишу», как товарных вселенных, высвечивающих меновую стоимость товара и создающих ситуацию, в которой их потребительская стоимость отступает на второй план. Так создается фантасмагория, в которую человек попадает, чтобы развлекаться. «Индустрия развлечений облегчает его положение, поднимая его на уровень товара. Он вверяет себя ее манипуляциям, наслаждаясь отчуждением от себя самого и от других» [3, с. 149]. Результатом такого отчуждения является потеря реальности: чужак ощущает здесь себя как дома, потому что это дом бездомных, – ведь фланер нигде не ощущает себя как дома. Отсюда такой повышенный спрос на интерьер, который становится основой жизненного пространства и собирает, центрирует в себе то, что уже удалено от человека в пространстве и времени.

Различны у В. Бенямина и образы городов. Прибегая к лирике Бодлера, немецкий мыслитель видел Париж и Москву в образах женщины и ребенка, однако если Париж представал как обещание дара, то Москва раскрывалась как утрата женщины и ребенка. Тотальная деприватизация жизни, к которой России еще предстояло прийти в 30-40-е гг. XX века, сказывалась на личном

пространстве В. Беньямина как автора и наблюдателя. Москва манила обещанием дара, сводя все к невозможности самого дарения. Это подтверждают и слова М. Рыклина в его эссе, посвященном «Московскому дневнику» В. Беньямина: «Дар всегда обещан и не приносим одновременно, точнее, он приносим только в обещании. ... Беньямин, тем не менее, твердо отказывается довериться логике дара, как это делают окружающие его «русские» [4, с. 209]. Москва – это пространство организации, исключаящей обмен чего бы то ни было. Сама организация этого пространства предстает как безлично структурно организованный порядок, в котором теряет силу любой магический ритуал, любой обмен, любая жертва.

В отличие от Парижа и Москвы, раскрываемых В. Беньямином как одушевленные пространства, Берлин предстает у него как призрачное царство, в котором «скорее больше, а не меньше, чем в некоторых иных городах, мест и моментов, говорящих о мертвых, показывающих, что они полны мертвыми» [5, с. 185]. Здесь захват/насилие пространства Беньямин раскрывает двояко. С одной стороны, сам Берлин оказывается объектом захвата памяти, стремящейся представить его как топографию воспоминаний о детстве. С другой стороны, Берлин, сопротивляясь такому насилию, скрывается за обманчивым обещанием исполнится как целостный образ. Однако два этих вектора захвата оставляют нас с пустыми руками, так как пространство Берлина – это пограничное, пороговое пространство между сознанием и бессознательным, между детством и совершеннолетием, между дном общества и классом буржуазии, между индивидуальным и коллективным. Такое пороговое пространство ведет в никуда. Вместе с тем, не поддается представлению то, что само является декорациями, пространством памяти. Берлин для В. Беньямина – декорация, в которой разворачивается процесс его воспоминания о детстве в пространстве между сном и явью.

Второе направление – это исследование феномена топоса в постколониальных исследованиях, где значимым в рамках указанной темы выступает концепт «право на город». Влияние на топофилию философии культуры оказали постколониальные исследования, проблематизирующие ситуацию пограничья и стремящиеся к преодолению угнетающей системы подчиненного центра (европоцентричного в постколониальных штудиях) мироустройства посредством порождения дискурса эмансипации. В рамках современной философии «новая культурная география» представляет инструментарий для политического участия тем социальным субъектам, которые связаны с детерриторIALIZацией современного пространства и новой демографией.

Эвристический потенциал постколониальных исследований заключается в раскрытии критического потенциала эмансипации угнетенных групп, децентрации социального пространства и освобождения его от диктата метрополии. Таким образом, постколониальные штудии предстают как дискурс освобождения, дискурс обоснования множественности пространства без его фрагментаризации. Так вырабатывается единая концепция множественных пространств – концепция пограничья.

Постколониальный и пространственный повороты в социально-гуманитарных науках поставили под сомнение возможность адекватного конструирования единого глобального мира. В современности глобальное можно понимать лишь как пространство, где одновременно сосуществуют разные локальности, каждая из которых сохраняет свою уникальность, т. е. множественное пространство. Реализация данного понимания глобального демонстрируется в деколониальных текстах, где реконструируется «неевропейская» и ставится под сомнение европейская современная оптика. Воплощением данной концепции глобального является теория «пограничья», разработанная в тексте «Местонахождение культуры» Хоми Бхабха [6], сутью которой является то, что самоопределение субъекта во временном континууме должно быть дополнено акцентуацией его пространственного осуществления. Учитывая, что современный человек переживает кризис идентичности и включен в свободный процесс ее театральной репрезентации, получается, что это пространство множественное, состоящее из разрывов и лакун.

В конце XX – начале XXI вв. любая культура обнаруживает себя «за пределами», в переходном состоянии, где происходит наслоение культур и в то же время ясно проявляются разрывы между ними – культурные различия. Другими словами, это пространство (пространство пограничья) является местом встречи «Я» и «Другого», а индивиды, находящиеся в нем, имеют доступ к обеим этим идентичностям. Поворот к пониманию пространства как пограничья противостоит фрагментаризации пространства, основанной на угнетающей практике «власть – знание» и диктате дискурса «колонизатор – угнетаемый».

Иллюстрацией новой оптики культурной географии является концепция и стратегия «право на город», предложенная французским мыслителем А. Лефевром [7] и в последующем получившая развитие в работах американского исследователя Д. Харви, отмечавшего, что «мы живем в расколотых городах. Прежде всего, так называемые “глобальные” города расколоты в социальном отношении между финансовыми элитами и огромными массами низкооплачиваемых работников сферы услуг, смешивающихся с маргиналами и безработными» [8, с. 84]. В рамках

пространственного поворота подчеркивается, что социальные отношения граждан остаются нереализованными до тех пор, пока не получают материального и символического выражения в городском пространстве. Поэтому общество, не имеющее возможности осуществлять свое право на город, живет в атомизированном состоянии фрагментарности. Право на город осуществляется путем социальной мобилизации. В духе постмарксистской теории стратегия «права на город» представляет собой процесс революционного преобразования общества и возвращение угнетенным субъектам их прав касательно города. Гражданское общество предполагает включенность граждан в решение общих значимых вопросов, касающихся их города, и из такого взаимодействия создается «социальное тело» города.

Таким образом, раскрытые методологические ракурсы исследования города как социально-культурного феномена на пересечении проблемных полей философии культуры и философии насилия актуализировали осмысление города как коммуникативного топоса, мыслимого как гибридность и пограничье. Полагаем правомерным заключить, что это в определенной степени определило значимость проблематики локального в современном социально-гуманитарном знании и позволило говорить о таком направлении, как новая культурная география.

Библиографические ссылки

1. Соболев Д.М. «Топофилия»: Культурная география как жанр современной художественной прозы // Международный журнал исследований культуры. – Спб: «Эйдос», 2011. – С. 136–155.
2. Сидоренко И.Н. Философия насилия: от метафоры к концепту. – Минск: БГУ, 2017. – 175 с.
3. Беньямин В. Париж. Столица девятнадцатого столетия // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – М.: Медиум, 1996. – 240 с.
4. Рыклин М. Две Москвы. «Московский дневник» 70 лет спустя // Беньямин В. Московский дневник. – М.: Ad Marginem, 1997. – 264 с.
5. Беньямин В. Берлинская хроника // Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 224 с.
6. Бхабха Х. Местонахождение культуры // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – Минск: ЕГУ, 2005. №3–4. – С. 161–191.
7. Лефевр А. Производство пространства. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.
8. Харви Д. Право на город: пер. с англ. А. Смирнов // Логос: Философско-литературный журнал. – М.: Территория будущего, 2008. – №3. – С. 80–94.